

Родители нашей истории

15.08.2018

Биробиджанер Штерн

Источник фото: ozet.ort.spb.ru
Еврейские переселенцы из-за границы на станции Тихонькой

Уникальные воспоминания оказались в распоряжении редакции «БШ».

В них – вся жизнь Наума Иделевича и его семьи, одного из тех, кто с первой группой переселенцев из Саратова и других городов Центральной России в мае 1928 года прибыл на полустанок Тихонькая

«Есть вопросы, от которых я просыпаюсь по ночам, – откуда они такие, первопроходцы, первостроители, пионеры? Где они научились быть такими, кто их воспитывал? Я пока не нашел ответов на эти вопросы.... Будь у меня такая возможность, я бы гимны пел всем тем, почти неизвестным, мужественным, полуголодным и полураздетым людям, которые строили Биробиджан. Горжусь, что среди тех железных людей, был мой отец, бывший сапожник Наум Хацкелевич», – читаем записи сына первопроходца Геннадия Наумовича.

Родился Наум Иделевич в 1909 году в городе Вильно (ныне – Вильнюс), входившем в состав Польши до 1939 года. В 1913 году большая семья ортодоксального еврея Хацкеля Иделевича и его жены Сарры переехала в Саратов. Нехемке, так родные называли Наума, самому старшему из всех детей, было не до учебы. После трех лет хедера, чтобы помочь отцу содержать большую семью, отправляется он работать в небольшую кожевенную мастерскую. «Уже через пару лет отец превратился в

умелого заготовщика-закройщика обуви. Стал прилично зарабатывать, хорошо одеваться, часть денег отдавал семье. Ему нравился собственный статус в семье – отец и мать считались с ним. А для братьев и сестер он был непрекаемым авторитетом», – узнаем мы из записей Геннадия Иделевича.

Еду!

На одной из встреч саратовского «Еврейского клуба», где агитировали за поездку на Дальний Восток, неполных 19 лет Нехемке принял важное для себя решение – ехать. Поездка в далекий край казалась ему шансом, который нельзя упускать.

«Жизнь открывала перед ним новые возможности. Запасся провиантом на длинную дорогу, купил охотничье ружье и болотные сапоги. Отец рассказывал, что ехали в поезде около месяца – дорога в неизвестную жизнь была тяжелая и утомительная. Приехавшими были в основном ребята молодые, лишь некоторые – семейные, оставившие детей на родителей», – пишет сын переселенца.

Земля между Бирой и Биджаном встретила приезжих проливными дождями – постоянная грязь, жизнь в палатах, нерегулярные приемы пищи. А еще – гнус! **«Знаете, что это такое? Это когда кровососущие насекомые налетали тучей и мешали не только работать, но и дышать, набиваясь в рот, нос, глаза. Местные охотники делали для молодежи маски с сеткой для глаз и рта. А днем донимали паутины и слепни. «150 удовольствий!» – как любил повторять отец», –** читаем воспоминания Геннадия Иделевича.

Экзамен на прочность

Несмотря на все сложности, уже через пару месяцев появились первые успехи. В первую очередь организовали бригаду поваров – стали кормить рабочих два раза в день горячими блюдами. За первый месяц спилили много деревьев и подготовили бревна для строительства бараков.

«Трудились люди изумительно, с огромным энтузиазмом! Быть может, истосковались по работе после месяца в дороге? Или были вдохновлены строить Еврейскую область?» – удивляется Геннадий Наумович.

После майских ливней наступило жаркое и влажное дальневосточное лето. Переселенцы отогревались, отмывались, приводили в порядок одежду и обувь. При участии старожилов построили срубы нескольких домов. А вскоре все праздновали окончание постройки первого барака. **«Молодые люди, победившие трудности и невзгоды, радовались как дети – они выдержали первый экзамен на прочность!», –** так рассказывал Наум Иделевич своему сыну.

В первых бараках разместили медпункт, столовую и красный уголок. Через несколько дней КомЗЕТ прислал опытную медсестру с кое-каким оборудованием. Жизнь понемногу налаживалась.

«Деньги за работу сначала не получали, рабочий день от светла до темна, зачастую без выходных, без всяких жизненных благ! Для многих это был непривычный тяжелый труд – даже молодым было нелегко», – не устает поражаться героизму переселенцев потомок одного из них.

Но, несмотря ни на что, к наступлению осени были готовы дома для жилья – предстоящая зима уже не казалось такой страшной. Заготовили достаточно дров для отопления дымовых железных печек-буржуек.

Первая зима

К приходу студеной зимы люди как следует набрались опыта жизни в нелегких реальностях, научились строить хоть и примитивное, но вполне сносное жилье. КомЗЕТ организовал покупку для переселенцев теплых вещей. К сожалению, хватило не всем – одежда досталась в первую очередь тем, кто работал на воздухе.

«Зимой из-за сильных морозов и большого количества снега работа была другая. Одни переселенцы обслуживали баню и столовую, другие вошли в бригаду охотников. Строители завершали работы в бараках, которые не успели достроить до наступления зимы. Большие стволы кедров и лиственниц пилили двухручными пилами, обрубали им сучья и распиливали на доски. В отсутствие моторных инструментов работа эта превращалась в тяжелое и малопроизводительное занятие», – пишет Геннадий Наумович.

Многие переселенцы зимой уезжали учиться, осваивали нужные профессии. Наум Иделевич прошел курсы шоферов, а весной уже вернулся обратно. Ездить, правда, пока было не на чем.

На все руки

Не имея возможности работать по специальности, Наум Хацкелевич вернулся в свою строительную бригаду. А через месяц, когда сошел снег и потеплело, попал в сельхозбригаду – необходимо было подготовить землю для посевной.

«На релках сначала спиливали деревья, выкорчевывали пни, собирали и сжигали их. Первое время корчевали сами, потом стали помогать местные крестьяне. С ними корчевка пошла легче и быстрей. Отец вспоминал, что было очень тяжело. По содействию местного казака Ивана Степина его перевели на работу в мастерские по ремонту инструмента. Отец немного передохнул и восстановил силы», – читаем записи.

За первый год освоения междуречья Биры и Биджана переселенцы подготовили к возделыванию около двух тысяч гектаров земли. Уже в следующем, 1929 году, сюда приехало более 1,5 тысячи переселенцев – главной заботой оставалось строительство для них жилья. Помимо бараков, строили подсобные помещения, дороги, учились делать кирпичи.

Опытное Поле

Большинство переселенцев 1928 года было расселено на семи-восьми участках земельного массива в шестидесяти километрах от станции Тихонькая, которое называлось Бирским Опытным Полем (сейчас на этом месте село Опытное Поле – **ред.**). Группа ученых, что там работала, со временем получила легковой автомобиль, и Науму Иделевичу посчастливилось работать у них шофером.

«Что был автомобиль в те годы – трудно представить! Для многих это было не меньше, чем чудо! И к профессии шофера относились с большим уважением», – рассказывал Наум Хацкелевич своему сыну.

Что входило в его обязанности? Развозить работников лаборатории по разным пунктам, перевозить грузы, инструменты, заработную плату. А со временем первостроитель

получил права на управление трактором – управлял новеньkim, только что пригнанным американским колесным «Фордзоном».

«Работать на таких тракторах было непросто. При корчевке леса они часто выходили из строя из-за непривычных тяжелых условий. Запасных частей приходило мало – зачастую приходилось самим изготавливать то, что сломалось. Вместе с кузнецом и слесарем до поздней ночи, под проливным дождем, по уши в грязи отец мастерили какую-нибудь злосчастную деталь, чтобы уже на следующий день его трактор мог выйти в поле», – вспоминает Геннадий Иделевич.

Рождение семьи

Будущая мама Геннадия Сарра Каганова и ее большая семья приехали на Дальний Восток из белорусского города Гомеля в 1932 году. Отец ее, Лейба Каганов, в свое время учился за границей, работал коммивояжером.

Сарра и Наум встретились случайно в 1932 году, пригляднувшись друг другу. А через год поженились, стали жить в маленькой комнатке в общежитии в селе Опытное Поле.

«Всего за несколько лет отец из просто еврейского сапожника Нехемке превратился в серьезного специалиста, разбирающегося в технике и пользующегося авторитетом. Маме тогда было всего двадцать лет. Вместе с другими женщинами работала в поле, готовила отцу, а по вечерам, поскольку имела образование, в избе-читальне или, как ее еще называли, в красном уголке читала собравшимся книги и редкие газеты, что приходили из Хабаровска».

Не всем угодил

В 1934 году Науму выпала честь представлять Биробиджан на съезде передовиков производства, который проходил в Москве. **«Для него это было настоящим счастьем, – пишет Геннадий Иделевич, – поскольку, посетив столицу, на несколько дней можно было заехать домой, в Саратов, где он не был целых шесть лет. Братья к тому времени выросли и разъехались. Только отец и мать не изменили своего образа жизни. А Хацкель, наш дед, человек верующий, к праздникам все так же готовил кошерное мясо и посещал синагогу».**

Много лет Хацкель Иделевич служил шойхетом при синагоге. Неожиданно для всех Нехемке удалось уговорить отца поехать с ним на Дальний Восток. Старший Иделевич остался не совсем доволен новой жизнью евреев. Его, как человека верующего, угнетало, что евреи начали забывать о Б-ге (синагога в Биробиджане была открыта лишь в сентябре 1947 года). На этой почве у них с Наумом были разногласия, нередко происходили ссоры – весной 1935 года Хацкель вернулся в Саратов.

Мечты сбываются

Пока Наум Иделевич гостил в Москве и Саратове, жена родила ему первенца. Назвали его Леонидом. Растиль его Сарре помогала бабушка Марьяся, которая, видя, как новоиспеченный отец обращается с младенцем, кричала на него на идише: «Газлэн, гей авэк!».

Вскоре молодым удалось получить комнату в общежитии для семейных пар – намного больше прежней, было место даже для детской кроватки, которую Наум сам смастерили.

«Еще пару лет они прожили в Опытном Поле, отец по-прежнему работал водителем авто, пересаживаясь временами на трактор и комбайн. Но, бывая по работе в Биробиджане и видя, как он становится все более похожим на современный город, он

начал подумывать о переезде. Подкопив немного деньжат, в 1937 году родители приобрели небольшой домик с участком земли на улице Волочаевской», – читаем воспоминания Геннадия Иделевича.

Дед Лейба и бабушка Марьяся уехали в Бирофельд. Наум устроился водителем на «Скорую помощь». Потихоньку стали благоустраивать свое семейное гнездо, садить огород, завели кур. Тогда же отец Геннадия посадил первые саженцы сливового дерева, заложив основу известного многим жившим тогда на улице Волочаевской сада Иделевичей.

«В тот же год родился я – так что мы с нашим садом ровесники. Но я до сих пор не могу представить, где можно было достать саженцы для сада в ту пору – в 1938 году! Для отца это была настоящая мечта. Много лет плодоносили те самые сливы, из косточек которых отец выращивал новые саженцы. Для нас он был больше, чем просто сад – был каким-то живым, добрым, вкусным и теплым», – пишет Геннадий Иделевич.

Корова

Наум Хацкелевич, по воспоминаниям сына, всегда был полон всевозможных идей. Уж если загорался – шел до победного. Очень хотелось отцу семейства иметь полноценное хозяйство, а именно – корову. Накопили денег – купили буренку в 1940 году.

«Назвали корову Белкой. Мама ласково говорила про нее: «Умница наша». Выручила нас Белка в годы Великой Отечественной войны – не то слово. Отца мобилизовали. Служить, правда, посчастливилось недалеко от дома – в районе Бабстово. Осталась мама с двумя детьми семи и трех лет, огородом, коровой и другими свалившимися на нее заботами одна. Отец старался, как мог, помогать – ухитрялся во время службы накосить, высушить, сохранить от дождя и перевезти в наш двор сено для коровы. А мы, дети, каждый день были обеспечены молоком».

После войны

«Май принес, наконец, радостную весть – победа! Помню, был пасмурный день, моросил дождь, а мы, счастливые, прыгали на кроватной сетке и кричали «ура!». Отца демобилизовали только осенью – их дивизия участвовала в войне с Японией. Немного отдохнув и не найдя работу в городе, он уехал в Валдгейм. Дома бывал редко, привозил нам оттуда картошку, свежую рыбу, дрова на зиму, сено, деньги. Мы-то, мальчишки, вечно голодные ходили в послевоенные годы. «Перемаялись», – говорил отец про то время», – описывает Геннадий свое детство.

В конце концов, Науму удалось найти работу шофером-экспедитором в Биробиджанском детском доме №1, что располагался поблизости от дома. Ремонтирует свой грузовичок или что другое химичит в своем гараже – всегда в окружении мальчишек-сирот, оставшихся после войны без родителей. Смотрели, изучали строение автомобиля, задавали интересующие вопросы – Наум относился к ним по-отцовски, как мог опекал и учил всему, что знал и умел сам. Витя Федосеев, Леня Постников, Володя Крыжановский – выросли, получили водительские права по примеру своего наставника. Дом Иделевичей не забывали, навещали Наума и Сарпу.

Мамино ведомство

Мама Геннадия, Сарра Львовна занималась воспитанием детей, хозяйством, огородом, сама шила ребятне простенькую одежду – этому, кстати, ее научил муж, питавший любовь и к машинам швейным. Маленькая ручная машинка была первым приобретением молодой семьи.

«Мама мне вспоминается с книгой. Без нее она, наверное, и дня прожить не могла. И нас, детей, научила читать с ранних лет. Школьные вопросы решались исключительно маминым ведомством – отец, как говорили в семье, не знал и адреса школы. Могла, надо сказать, и всыпать по первое число.

Именно от мамы мы кое-что знали о еврейских традициях. Помню, как бабушка Марьяся на какой-то праздник угощала нас очень вкусными сырниками, почему-то доставая их из-под подушки. Идиш мама знала хорошо, как и отец, употребляя его в основном в разговорах со своей сестрой, нашей тетей Фаней и с папой, чтобы мы не понимали их секреты. А при хорошем настроении мама всегда напевала, особенно запомнился в ее исполнении «Интернационал». А еще родители часто ходили в театр – мама потом с увлечением пересказывала нам содержание спектаклей».

Семейная идиллия

«Отец пришел с работы. Снял верхнюю одежду, повесил на вешалку в углу на кухне. Закатал рукава рубашки, моет руки. Заходит мама, греет еду на электроплитке. Откуда-то из спальни появляется кот – его любимец. Вьется у его ног, мурлычит. Отец усаживается на свое, «папино», место у окна, на котором никому нельзя было сидеть, кроме него, даже в отсутствие хозяина. Читает свою «Правду» или «Биробиджанскую звезду». Кот уже на коленях. Мама ставит на стол тарелку. «Что это у тебя такое вкусное? – «Это секрет. Вот доешь, скажу». В доме тихо, чисто, прохладно», – вспоминает Геннадий Наумович спокойные семейные вечера.

В 1930-х годах Наума Иделевича премировали патефоном, ставшим семейной ценностью и предметом жгучей зависти соседей. Несколько граммофонных пластинок на идише – «Нит Шимеле», «Ицик хот шойн хасене гехат» и, конечно, записи драматических произведений Шолом-Алейхема. **«Помню, как папа священодействовал у патефона. Аккуратно заводил пружину специальной ручкой, осторожно, не дыша,ставил головку патефона на уже крутящуюся пластинку. Строго наблюдал за нами, чтобы и мы все манипуляции выполняли правильно»**, – читаем записи Геннадия Иделевича.

Его отец, Наум Иделевич, всю жизнь придерживался домостроевских принципов. В шутку он всегда напевал: «Дело папы – читать газеты, ходить на работу, приносить деньги. Дело мамы – стирать пеленки, варить обеды и компоты...». Такой порядок в доме всех устраивал – супруги Иделевичи прожили вместе 53 года.

Увлечения

Пасечник-стахановец

Одним из любимых дел Наума Хацкелевича было пчеловодство.

«Сначала ходил отец к знакомым, кто занимался этим промыслом. Смотрел, учился, спрашивал. Потом появилась в доме большая книга о пчелах», – рассказывает в своих воспоминаниях Геннадий Иделевич.

Закупил инструмент, заказал улья – все это требовало немалых денег. Супруга, кстати, подобное начинание встретила без энтузиазма, а дети-сладкоежки – с затаенным любопытством.

«Все то лето было необычным. Случалось даже, прикладывался к банке свежего меда и тайком пил его, как воду. До сих пор помню великолепный вкус сливовой настойки на меду – ах, лето! Ходили мы, правда, все с припухшими от укусов лицами – больше всего, конечно, кусали отца. Но он говорил, что в меру это даже полезно», – читаем записи потомка неутомимого труженика.

Впрочем, лета через два медовый промысел у Наума Хацкелевича сошел на нет. Аналогично тому, как и выращивание кроликов, которым он загорелся в 1970-е годы. Сделал добротный крольчатник, такой, что «и самим можно было жить в нем». В общем, соответствовал его главному принципу: «Если что-то делаешь, то делай хорошо, чтоб перед людьми стыдно не было».

«Отец купил несколько пар кроликов – они росли, плодились и ели, конечно, очень хорошо. Но вскоре отцовское увлечение подошло к концу. Я думаю, отец пускался в предприятия такого рода, не подсчитав, получит ли выгоду, а, может, ради спортивного интереса. А мама жаловалась мне позже, что в процессе продажи нашего дома папа отдал весь крольчатник покупателям, не взяв ни копейки за свои труды!»

Обманутое лето

И на пенсии Наум Хацкелевич продолжал трудиться – в перерывах между обустройством новой однокомнатной квартиры, строительством дачи, работал в охране, на заводе. Был активным участником общества ветеранов-первостроителей области, выступал перед

молодежью, рассказывая о трудностях, встретивших его в первые годы приезда в Биробиджан.

«В 1985 году отец тяжело заболел – обширный инсульт. Но папа поправился, встал на ноги. Взяв отпуск за свой счет, приехал и я из Саратова помочь матери», – читаем записи.

Пришла весна, затем – лето. Казалось, все благополучно, но здоровье пожилого человека было уже не то.

«Поехали мы на папину дачу. Он молча поднялся по лестнице, о чем-то думал, трогал недостроенные места, – рассказывает Геннадий Наумович о своей последней встрече с отцом. – По дороге к дому остановились на Волочаевской. Отец из машины не вышел. Текущие хозяева дома на наши со Славой призывы так и не откликнулись. Выглядел он каким-то осевшим и, казалось, постаревшим. Порядок во дворе был далек от обычного, отцовского», – пишет Геннадий Наумович.

Это был последний визит отца большого семейства Иделевичей к своему дому, который для его сыновей навсегда останется единственным, родительским.

«Отец тогда говорил про нас: «Обманули лето». Осеню он упал и сильно ушибся – это, вероятно, стало последней каплей. Утром 2 ноября 1986 года нашего отца, мужа и деда пяти внуков не стало. Папа ушел последним из отряда молодых евреев, высадившихся в мае 1928 года на станции Тихоньевская. Уже много лет нет его с нами – ни поговорить с ним, ни посмотреть в его ясные глаза, ни послушать с грустью его мандолину.... А перед глазами, на полке среди книг, всегда стоит отцовский портрет, где он в самом лучшем своем пиджаке, аккуратно причесанный и выбритый, позирует Юрию Евлампиевичу Косвинцеву у нашей знаменитой желтой-персиковой сливы», – завершает свои воспоминания Геннадий Наумович Иделевич, о котором известно, что всю жизнь он проработал педагогом в Саратове, куда уехал в 1956 году. Осеню 1991 года забрал туда же маму, потом они переехали на постоянное место жительства в Израиль.

Воспоминания читала Анастасия Куршева